

А.А. Лебедкина

Знакомство с драматургом

I. Детские годы драматурга

Островский принадлежал по рождению к среде небогатого духовенства. Воспитанником духовной академии, выбившимся в чиновники, был отец Островского, дочерью просвирни¹ была его мать, священником был его дед по отцу, пономарем — дед по матери, с церковным причтом были связаны его многочисленные дядюшки и тетушки.

Дед драматурга по отцу, Федор Иванович Островский, в 90-е годы XVIII века приехал в Кострому, чтобы учиться там в духовной семинарии. По окончании семинарии он остался в Костроме и стал вскоре протоиереем костромской церкви Благовещения. Когда в 1810 совсем еще молодой умерла его жена, Ольга Александровна, Федор Иванович постригся в монахи под именем Феодота и стал вести подвижническую жизнь в келье Донского монастыря. Он прожил до глубокой старости, внушая почтение посетителям монастыря и монастырской братии своей строгой сдержанностью, суровым немногословием. Можно не сомневаться, что Островского в его младенчестве и ранней юности не раз возили в Донской монастырь и подводили под благословение отца Феодота...

Николай Федорович, однако, не стремился идти по стопам отца.

Закончив в 1818 духовную академию со званием кандидата, Николай Федорович спустя год устраивается на гражданскую службу. Он был прилежным и исполнительным чиновником.

Через много лет после смерти отца, позабыв о всех ссорах с ним и горьких унижениях, какие ему пришлось от него претерпеть, Островский с уважением отзовется о нем как о вечном труженике, считая в себе наследной эту черту...

Еще учась в академии, Николай Федорович свел дружбу со своим однокашником Матвеем Саввиным. Семья его была небогата, отец, пономарь, недавно умер, мать была пристроена в просвирни, то есть должна была печь просфорки. При ней подрастала дочь Люба.

Николай Федорович обвенчался с ней в той церкви близ Покровского моста, при которой она выросла, 9 апреля 1820.

Начало семейной жизни молодых Островских складывалось неудачно. Жить было негде, приходилось нанимать дешевые частные квартиры. Первый ребенок Любови Ивановны, Матвей, прожил всего несколько месяцев. Второго сына, Федора, она тоже вскоре похоронила. Понятно волнение молодой женщины, когда она ждала третьего ребенка.

Островский так передавал семейное предание о том, почему он был назван Александром.

«Когда покойная матушка Любовь Ивановна написала брату своему, отцу Михаилу, кажется, в Смоленск, о смерти второго сына своего Федора и сетовала, что у нее дети долго не живут, он отвечал ей, чтобы она, если родится третий сын, назвала его Александром и что Александр должен жить. Так и случилось».

«Александр» по-гречески — «защитник жизни», и смоленский священник надеялся, что покровительство святого убережет жизнь младенца.

Незадолго до рождения третьего сына Николай Федорович нанял новую квартиру в доме диакона Никифора Максимова в Замоскворечье. В этом доме в четыре часа пополудни 31 марта (12 апреля по новому стилю) 1823 родился Александр Николаевич Островский. Явившийся на свет в весенний предрассветный час, мальчик оказался крепче

¹ Просвирня — женщина, занимающаяся выпечкой просвирок (просфорок) — белых хлебцов особой формы, употребляющихся в православном богослужении

и жизнеспособнее своих ранее умерших братьев. На пятый день его закутали в одеяло и понесли крестить и нарекли заранее припасенным именем Александр.

В 1831, когда Островскому не было еще девяти лет, умерла после тяжелых родов его мать, Любовь Ивановна. Вскоре за матерью умерли младшие девочки-близнецы. Николаю Федоровичу предстояло одному воспитывать трех сыновей и дочь Наташу.

Была у Островского няня — Авдотья Ивановна Кутузова, — и, конечно, развлекающая детей долгими зимними вечерами, когда все Замоскворечье погружалось во тьму, плела она им свои сказки. Островский говорил впоследствии, что ее рассказами навеяна «Снегурочка»...

Как и в других домах Замоскворечья, дети играли в своем саду, реже на улице. Зимой — снежки и катание с горок, летом — бабки и бумажный змей. Ходили гулять к низкому топкому берегу грязноватой Москвы-реки...

Пестрое, цветное, дикое, причудливое, странное и милое Замоскворечье вскормило Островского, напитало его душу первыми впечатлениями, осталось в памяти художника на всю жизнь.

Годы спустя в очерке «Замоскворечье в праздник» Островский писал: «Когда у нас за Москвой-рекой праздник, так уж это сейчас видно. И откуда бы ты ни пришел, человек, сейчас узнаешь, что у нас праздник. Во-первых, потому узнаешь, что услышишь густой и непрерывный звон во всем Замоскворечье. Во-вторых, потому узнаешь, что по всему Замоскворечью пахнет пирогами...

Но вот отходит обедня, народ выходит из церкви, начинаются поздравления, собираются в кучки, толки о том о сем, и житейская суэта начинается. От обедни все идут домой чай пить и пьют часов до девяти.

Потом купцы едут в город тоже чай пить, а чиновники идут в суды приводить в порядок сработанное в неделю...

С первого часа по четвертый улицы пустеют и тишина водворяется, в это время все обедают и потом отдыхают до вечерен, то есть до четырех часов. В четыре часа по всему Замоскворечью слышен ропот самоваров: Замоскворечье просыпается и потягивается. Если это летом, то в домах открываются все окна для прохлады, у открытого окна вокруг кипящего самовара составляются семейные картины. Идя по улице в этот час дня, вы можете любоваться этими картинами направо и налево... После вечерен люди богатые (то есть имеющие своих лошадей) едут на гулянье в парк или Сокольники, а не имеющие своих лошадей — целыми семействами отправляются куда-нибудь пешком... Ложатся спать в девятом часу, и в девять часов все Замоскворечье спит».

II. Годы ученичества

До поступления Островского в гимназию в их доме сменились четверо учителей.

В сентябре 1835 Николай Федорович подал в Московскую губернскую гимназию прошение принять туда своего старшего сына, «кочему отроду 12 лет, по-русски писать и читать умеет и первыя четыре правила арифметики знает». Отец скромно просил определить сына «в такой класс гимназии, в которой по экзамену он окажется достойным». Островский оказался достойным поступить в третий класс...

Островский учился в гимназии с умеренным успехом, особыми способностями не блистал. Дома нашего гимназиста ждало не слишком много радостей. Николай Федорович недолго оставался вдовцом. Четыре года спустя после смерти Любви Ивановны он женился на семнадцатилетней Эмилии Тессин.

Старшего сына своего мужа Эмилия Андреевна приняла добро. Ей хотелось завоевать его расположение, но легче было, конечно, с меньшими — они почти не помнили матери. Сохранились семейные рассказы, что Эмилия Андреевна «из боязни упреков» всячески заботилась о своих пасынках. Для чуткого подростка забота «из боязни упреков» — не лучшая форма завоевать его доверие.

Островский успешно занимался с учителями музыки, учился читать ноты, умел подобрать на фортепиано и записать мелодию. Это помогло ему потом в совместной работе с композиторами.

Все Островские глубоко почитали книгу. Едва Николай Федорович встал на ноги, он завел в доме большую библиотеку. Гимназист Островский получил доступ к отцовским шкафам с книгами и сделался увлеченным и самозабвенным читателем...

По гимназии разнеслась молва, что Островский прочитал в подлиннике драмы Софокла. Его увлечение новейшей русской литературой — Пушкиным, Грибоедовым, Гоголем — тоже не осталось тайной. А близкие друзья знали, наверное, и о том, что он, Островский, пробует силы и в качестве сочинителя. Из-под пера его выходят первые прозаические наброски и, смело можно поручиться, хоть и нечем этого доказать, стихи, стихи...

17 июня 1840 Островский сдал последний экзамен. Его успехи можно считать вполне приличными: он получил право поступать в университет без предварительных экзаменов.

Никто из его товарищей по гимназическому выпуску не шел в юристы, а уж ему это совсем было не по душе. Но отец рассудил иначе. Скрепя сердце Островский окунул в чернильницу тонко очиненное гусиное перо и написал:

«Окончивши полный курс гимназического учения, желаю, для усовершенствования себя в науках, поступить в Императорский Московский университет на Юридическое отделение. Александр Островский. 1840. Июня 18 дня...»

Первый год университета Островский учился старательно и даже с увлечением, однако к концу второго курса он начал пропускать лекции; на весеннюю сессию 1842 не явился. Не отмечая у студента Островского признаков усердия, факультет оставил его для повторного слушания курса.

Что случилось с молодым Островским? Почему он так охладил к учению? Он любил театр.

Не покидая театра до последнего хлопка, горячо приветствуя артистов, раскланивающихся на вызовы, наш студент думал: вот где подлинная жизнь, вот где родной дом, и кафедра, и все, все, что только нужно ему. Едва ли не все деньги, перепедающие от отца, Островский тратит теперь на театральные билеты.

...Так стремительно набегают весна 1843 года. 6 мая 1843 за экзамен по истории римского права Островский получил единицу. Ему грозило исключение. Островский не стал ждать и сам подал прошение об уходе. 22 мая ему было выдано свидетельство об «увольнении от университета».

Вообразим теперь, что ждало Островского дома. Обычно спокойный отец на этот раз не удержался, наверное, от взрыва негодования. Но об этом мы можем лишь догадываться, а знаем точно одно: Николай Федорович сходил куда-то, поговорил с кем надо и 19 сентября 1843 Островский был зачислен в Московский совестной суд на должность канцелярского служителя, писца.

В совестной суд обращались с исками родители против детей, а дети против родителей — и суд пытался разрешить эти споры «по совести». Здесь решались дела по разделу имущества, некоторые торговые тяжбы. Что за типы проходили тут каждый день перед столом канцелярского служителя! Что за диковинные всплывали истории!

Хотя Островский-младший не спешил показать особых успехов по службе, отец при первой возможности перевел его в более современное и солидное учреждение — Московский коммерческий суд.

Перед ним раздвинулись вдруг тяжелые пыльные кулисы и предстала в резком белом свете изнанка сцены: все бездны человеческой низости, дразги, обманы, преступления, небывалая изобретательность ума, наклонного к мошенничеству, и рядом с этим — хоть и куда реже — внезапные озарения благородства, душевной широты.

В 1846 произошла важная в судьбе Островского встреча. Он познакомился с Тертием Филипповым. Тот был студентом историко-филологического факультета, терпеливо постигал премудрость древнеславянского языка и русских летописей. Филиппов познакомил Островского и с Евгением Эдельсоном, студентом-математиком, который был родом из обрусевших немцев. Даже внешне он был полной противоположностью Филиппову. Его благоразумие, положительность и спокойный аналитический ум как бы уравновешивали субъективную, самолюбивую натуру Тертия. Филиппов пел — Эдельсон слушал, Филиппов проповедовал — Эдельсон рассуждал, Филиппов кидался в крайности — Эдельсон спокойно держался своего мнения.

Трое приятелей — Островский, Филиппов и Эдельсон — вскоре стали неразлучны.

Той осенью, когда Островский поступил в совестной суд, им был закончен первый дошедший до нас рассказ: «Сказание о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или от великого до смешного только один шаг». Под рассказом молодой автор впервые выставил дату: 15 декабря 1843 года. С той поры он всегда будет отмечать на рукописях день окончания работы.

Для двадцатилетнего автора набросок Островского выдавал несомненный талант. Простая правда начинала здесь свой спор с литературностью.

В руках Островского был благодатнейший материал впечатлений, шедших за ним по пятам с детства и ранней юности: это Замоскворечье — целый нетронутый искусством край — с его типами, обычаями, причудами, странностями.

Островский задумывает «Записки замоскворецкого жителя». Они должны состоять из серии картин. Пробует набросать общую панораму быта — «Замоскворечье в праздник». Оставляет этот набросок и берется за очерк «Две биографии».

Начинает он пробовать себя и в драматическом роде. Почти одновременно затеваются две пьесы — «Исковое прошение» и «Несостоятельный должник».

9 января 1847 года в седьмом номере «Московского городского листка» были опубликованы «Сцены из комедии “Несостоятельный должник (Ожидание жениха)”». Сцены имели успех. Знакомые и друзья, для которых инициалы А.О. не были тайной, читали отрывок, удивлялись, похваливали.

III. Начало литературной судьбы

День 14 февраля 1847 Островский называл самым памятным днем в своей жизни. Утром он поставил на рукописи «Картины семейного счастья» пометку об окончании своего драматургического первенца, а уже вечером читал пьесу на квартире С. Шевырева.

Когда он закончил чтение, наступила долгая неловкая пауза. Островский сидел, опустив глаза. Вдруг Шевырев вскочил со своего кресла, подбежал к автору, взял его за руку, поднял с места и провозгласил: «Поздравляю вас, господа, с новым драматическим светилом в русской литературе!» Хор поздравлений и похвал обрушился на него вслед за словами Шевырева.

После вечера у Шевырева Островский почувствовал в себе прилив сил и «бодрость работы». «С этого дня, — написал он за полгода до смерти в своей автобиографической заметке, я стал считать себя русским писателем и уж без сомнений и колебаний поверил в свое призвание».

Не сохранились портреты Островского поры его молодости. Но по воспоминаниям мы можем представить, каким он был в ту пору. Перед нами молодой человек лет двадцати пяти, бледный, высокий, тонкий. Мягкие белокурые волосы его зачесаны назад и открывают высокий лоб, голубые глаза шуряются застенчиво. Он настороженно смотрит на незнакомого собеседника, но стоит слегка расположить его к себе, завоевать его доверие, как на лице его появляется выражение открытости, простодушия, и улыбается он как-то удивительно добро и приветливо.

Одет он щеголевато, в модный фрак. Когда-то ему пришлось отстаивать право следовать моде в аляповато и безвкусно одетом Замоскворечье. Но теперь он смелее, фрак носит свободнее, уверенно и чувствует себя проще в молодых компаниях...

Вероятно, в конце 1847 произошло внешне незначительное событие, которому суждено было, однако, сыграть заметную роль в жизни Островского. По соседству с их домом наняли себе квартиру две сестры-мещаночки. Одна из них, Агафья Ивановна, была годом или двумя старше Островского и приглянулась ему.

Не только изображений Агафьи Ивановны не сохранилось, но даже фамилия ее осталась неизвестной. Для всех, кто в течение многих лет встречал ее рядом с Островским, она так и была: Гаша или Агафья Ивановна. Говорят, она была некрасива, но привлекательна жизнью лица, глаз, улыбкой, веселой приветливостью. Она была от природы умна, сердечна. Прелестным голосом пела русские песни, которых знала очень много, к месту умела вставить шутливое словцо, меткую поговорку. Но главное, она полюбила Островского, жалела его по-матерински. Может быть, и Островского более всего привязала к ней ее мягкая женская участливость, ласка, которой с детства после смерти матери не хватало в родном доме.

На брак с Агафьей Ивановной он не мог решиться — это значило бы вконец рассориться с отцом и остаться в самой черной нужде. Но Агафья Ивановна и не требовала от него ничего. Терпеливо ждала его, любила, обогревала, и чем дальше, тем труднее было ему расстаться с ней.

Отцу не нравилось, что сын зачастил в дом по соседству. И чтобы отвлечь молодого человека от сомнительного увлечения, Николай Федорович предложил ему взять отпуск в суде и выехать на лето вместе с семьей в новокупленное имение Щельково.

Когда пришла пора возвращаться в город и Островский вновь очутился в доме по соседству, он застал все на прежнем месте: опять суд, и театр, и неоконченная пьеса на столе, и выплакавшая за разлуку все глаза Агафья Ивановна.

Так вот, невенчаной женой Островского проживет скромно и достойно бок о бок с великим драматургом восемнадцать лет Агафья Ивановна, у которой даже фамилии не оказалось.

Весь 1847, 1848 и половину 1849 Островский работал над «Банкротом».

На заглавном листе экземпляра, посланного в цензуру, Островский маленьким почерком написал сверху: «Банкрот», а ниже крупно и через весь лист шло: «или СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ». Пьеса получила свое второе название.

В ноябре 1849 из Петербурга пришло известие, что по докладу цензора М. Геденова пьеса запрещена к представлению.

16 марта 1850 года журнал «Москвитянин» с комедией «Свои люди — сочтемся» вышел в свет. Книжку журнала рвали из рук. Молодой Островский в короткий срок стал московской сенсацией.

Однако пьесу продолжали рассматривать в цензурном комитете. Итог цензурных злоключений «Банкрота» оказался безрадостным: комедия была запрещена для сцены и о пьесе не рекомендовано было упоминать в печати. Островский тяжело переживал свою опальность. Но артисты, писатели не только не отвернулись от него, но горячо выражали ему свои симпатии.

Начало литературной судьбы Островского было тесно связано с журналом «Москвитянин», издаваемым Погодиным.

То, что называют иногда «кружком Островского», на деле было широким приятельским кругом, стихийно сложившимся возле молодого драматурга. Ядро этого кружка составило давнее студенческое содружество 1840-х: Евгений Эдельсон, Третий Филиппов. Но добровольное товарищество быстро пополнялось новыми «знакомцами». Здесь были начинающие литераторы, актеры.

В процессе работы возникают серьезные разногласия и с Погодиным, и между членами молодой редакции. В 1851–1853 Островский еще активно участвует в журнальной

жизни; к тому же он отдает «Москвитянину» свои новые комедии. Нужда и житейские обстоятельства сдавили его так туго, что он должен держаться «Москвитянина» как средства заработать на хлеб насущный.

Но для человека, решившего зарабатывать на жизнь своим пером, журнал «Москвитянин» был самым неподходящим на свете местом. «Адская скупость» издателя Погодина была притчей во языцех в московском литературном кругу. Сам с трудом вырвавшийся из бедности, Погодин смерть как не любил расставаться с деньгами.

Агафья Ивановна старалась вести хозяйство рачительно и экономно, но у нее родился ребенок, потом другой — в доме нужны были деньги, а отец отказывался помогать. Островского душили мелкие счета по мясным и зеленым лавкам, дровяному складу... Просить, молить, выпрашивать у Погодина деньги было унизительно...

Иногда Островский появлялся в салоне графини Ростопчиной.

Островский являлся одетым щеголевато, в светлом кофейного цвета фраке — по последней парижской моде. Он входил в роскошную гостиную, чуть полнеющий, но легкий и ловкий, держа в руках трость с набалдашником слоновой кости, и кланялся, приветствуя графиню приветливой улыбкой. Она громко возвещала о его прибытии опоздавшим гостям.

Дома оставалась Агафья Ивановна. Сюда позвать ее было бы нельзя. Среди зеркал ковров, хрустальных канделябров, дорогого фарфора простое и милое лицо Агафьи Ивановны потерялось бы, выглядело бы диковато и неуместно. Островский знал это, чувствовал смутный укор совести, но иначе поступить не мог. Он не просто сжился с Ганей, не просто привык к ней, он искренне любил ее, чувствовал родным человеком, но знал всю невозможность показаться ей здесь. По врожденному такту и душевной мягкости Агафья Ивановна и не настаивала на том, чтобы он брал ее в свет.

IV. Путь на сцену

В начале 1850-х репертуар русских театров напоминал пустыню. Афиши заманивали публику на русские варианты французских водевилей. Театру был нужен драматург... Драматургу был нужен театр. А пьесы Островского продолжали свое причудливое кружение по чиновничьим кругам и в конце концов с надписью «Запрещается» оседали в секретном архиве.

Автор уговаривает себя написать пьесу, небольшую по объему, легкую, сценичную, которая без осложнений пройдет цензуру. Начав работу над пьесой, которая будет названа «Не в свои сани не садись», он вынужден и дальше идти на сокращение своих художественных задач...

14 января 1853. Вообразим себе этот театральный вечер — внешне обычный, но начавший новое летоисчисление для русской сцены.

В Москве стоял сильный мороз. С разных сторон широко раскинувшегося города Большой¹ театр собирал своих зрителей. Но раньше всех был у театра автор пьесы. Он появился здесь, когда театр был еще пуст. Поглядывал то в просвет занавеса, то из дверей директорской ложи, как заполнялся театр.

Но вот свет померк в зале, и пошел вверх занавес, голубой, с золотыми звездами и изображениями лиры. На сцене была комната в трактире: буфет, три столика и каннарейка в клетке у окна. С первых минут произошло что-то странное. В зале установилась глубокая тишина. То, что происходило на сцене, было так просто и так похоже на жизнь, что публика внимала действию будто зачарованная. Слова, звучавшие со сцены, поражали своей естественностью, юмор и поэзия сочетались в каком-то неожиданном впечатлении правды, задевавшей живое чувство каждого...

¹ До середины XIX века не было еще деления на оперный и драматические театры. Часто труппа Малого театра выступала на подмостках Большого.

Уже после первого акта шумные овации наградили исполнителей. В фойе, коридорах, на лестнице пошли толки о неожиданной удаче. Второе и третье действие прошли с нарастающим успехом.

Как только занавес опустился в последний раз, публика стала неистово вызывать исполнителей. Вызывали и автора. Он встал в ложе и начал неловко, смущенно раскланиваться у барьера. Александр Николаевич был очень взволнован. Друзья драматурга, сидевшие неподалеку в партере, отхлопали все ладоши.

— Я счастлив, моя пьеса сыграна, — только и сумел сказать Островский.

На другой день вся Москва говорила о спектакле.

Едва ли не в тот день, когда состоялась премьера спектакля в Петербурге, Островский получил извещение о том, что его отец, Николай Федорович, давно не покидавший своего костромского имения, опасно заболел. Островский спешно выехал в Щельково.

Отца он уже не застал в живых.

Отец умер 22 февраля, похоронили его за невысокой каменной оградой церкви на погосте Николо-Бережки. В ту же землю на лесном погосте, рядом с могилой отца, суждено будет лечь и ему.

1853 год открыл Островскому дорогу на сцену. За драматургом шла группа молодых актеров, увлеченных его пьесами. Они начинали сознавать себя свободными творцами, сотоварищами драматурга. И за это свое новое самоощущение они полюбили автора, а он — их. Малый театр Островский чувствовал теперь своим домом.

В августе 1853 в Малом театре была сыграна «Бедная невеста». Имя Островского укоренялось в репертуаре.

В 1855–1856 Островский внутренне попрощался со своими друзьями по «Москвитянину» (эпоха этого журнала уже отошла). Новая дорога вела драматурга в «Современник», издаваемый Некрасовым.

Если мы хотим представить, каким Островский впервые переступил порог редакции «Современника», мы должны вообразить себе молодого, но уже по-московски дородного, осанистого человека, с округлым полным лицом, мягкими русыми волосами, еще без бороды и с едва заметной лысинкой на макушке. В лице его поражала быстрая смена выражений.

Атмосфера в «Современнике» была дружеская, непринужденная. Островский нашел себе новую пристань.

К исходу марта 1856 Островский получил давно ожидаемое извещение о том, что он может принять участие в литературной экспедиции по российским морям, озерам, рекам. Ему предстояло исследовать Волгу — от истоков до Нижнего Новгорода.

Почему Островский так рвался в эту поездку? Островский ехал на Волгу не за материалом для творчества — за обновлением себя.

Тверь, Городня, Торжок, Осташков, Кимры, Калязин — сотни верст проехал драматург по приволжским дорогам то на телеге, то верхом, то в тарантасе. Много новых впечатлений незаметно оседало в его памяти. Его мечта была — добраться до истоков Волги... Изучение Приволжья Островский продолжил весной 1857. Перерыв был вызван болезнью писателя: когда он выезжал из Калязина, лошади понесли, тарантас перевернулся и зашиб ему ногу.

Весной он посетил Ярославль и озеро Селигер, а летом Рыбинск, Углич и Нижний Новгород. Здесь Островский задумал целый цикл пьес под названием «Ночи на Волге», и, возможно, этому неосуществленному в целом замыслу мы обязаны появлением пьес «Воевода» и «Гроза». Премьера «Грозы» состоялась в Малом театре 16 ноября 1859. Новую драму «Гроза» Островский отдал на бенефис Сергею Васильеву. Ему там была чудесная роль — Тихона Кабанова. Но писал он эту пьесу, думая больше всего о Любви Павловне Косицкой.

В зиму 1859–1860, когда шли репетиции и спектакли «Грозы», Островский особенно много стал пропадать в театре — репетиции, репетиции, но не только они.

Островский встречался с Косицкой тайно. Они писали друг другу письма. Она нежна с ним, жалеет его, но уклоняется от решительного ответа на единственно важный для него вопрос: любит ли она его. Островского мучает эта недосказанность: вся жизнь его, прежде такая размеренная и спокойная, вдруг резко напряглась и перетянулась.

Но время неизбежно и грубо приводит к ясности всякую неопределенность. Год ли, два теплилась их близость, не упрочиваясь, но и не приводя к разрыву, пока Косицкая не потеряла голову, отчаянно полюбив купеческого сына Соколова, своего настойчивого поклонника.

Кто знает, как пережила это время Агафья Ивановна, потихоньку плача за занавеской и «уповая на бога и всех святых его». Еще горше было ей осознавать, что краса и сила молодости ее и впрямь прошли. Стала она рыхлой, болезненной, вся погрузилась в детей и хозяйство — пусть хоть так быть нужной Александру Николаевичу. Но дети, на беду, умирали один за другим. Ее пережил старший, да и то ненадолго.

Одно можно утверждать: никто из действующих лиц этой драмы не уронил себя, не поступился человеческим достоинством.

V. Служение театру

«В 1860 была разрешена для представления пьеса «Свои люди — сочтемся». С триумфом пришел на русскую сцену десятилетие назад запрещенный «Банкрот». А спустя еще два с половиной года одна за другой были дозволены к исполнению пьесы «Воспитанница» и «Доходное место».

Казалось, положение Островского в литературе приобрело солидную устойчивость. Пьесы «Гроза» и «Грех да беда...» были увенчаны большой академической («Уваровской») премией. В 1863 он был избран членом-корреспондентом Академии наук. О нем начала писать заграничная пресса.

Но, появляясь на пороге театральной конторы с прошнурованной рукописью в руках, он всякий раз чувствовал, как что-то холодело и обрывалось внутри. Будто вмиг прочно забыто все, что сделал он для русского искусства, и он опять входил в эти двери робующим просителем, безоружным перед брюзгливым равнодушием театрального начальства.

Театральный комитет, крайне невзыскательный к переводным водевилям своих сочленов, забраковал за малую художественность пьесу «За чем пойдешь, то и найдешь» («Женитьба Бальзаминова»).

Островский привык ждать каверз от жандармской цензуры. Но тут коллеги, люди литературы и театра...

«Поверьте, — писал он в решительном письме Федорову, возглавлявшему Комитет, — что этот поступок Комитета оскорбителен не для одного меня в русской литературе, не говоря уже о театре... у меня остается только одно: отказаться совершенно от сцены и не подвергать своих будущих произведений такому произвольному суду».

1 ноября 1862 года Комитету пришлось пересмотреть свое решение. Островский никогда не мог забыть этого случая.

16 мая 1863 года в труппу Малого театра вступила Мария Васильевна Бахметьева. Островский увидел ее в первый раз, когда она играла цыганку — двигалась легко, изящно и была очень красива южной, смуглой красотой. Писатель, еще переживающий отказ Косицкой, и сам не заметил, как снова закружился, потерял голову.

Агафья Ивановна все знала, обо всем догадывалась: да скорее всего, он сам рассказал ей все как есть. Появление Марии Васильевны лишило ее жизнь смысла. С осени 1866 года, когда Агафья Ивановна тяжело заболела, Мария Васильевна словно исчезла из жизни Островского. Он проводил бессонные ночи у постели больной своей подруги и с ужасом убеждался, что она слабеет день ото дня. Агафья Ивановна умерла 6 марта 1867. Похоронив ее, Островский горевал безутешно. Теперь, когда уже ничего нельзя было поправить, еще яснее открылось ему, как крепко он был связан с этой женщиной.

12 февраля 1869 Островский обвенчался в церкви с Марией Васильевной Васильевой (Бахметьевой) и начал хлопотать об усыновлении детей, прижитых с нею до брака.

В октябре 1867, когда Островский был в Петербурге, Некрасов намекнул ему, что есть возможность создать новый «Современник» — начать издание журнала «Отечественные записки». Он говорил, что видит в Островском желательнейшего из авторов.

В 1868 Островский дебютировал в некрасовском журнале пьесой «На всякого мудреца довольно простоты»; затем каждый год одна за другой печатаются пьесы «Горячее сердце», «Бешеные деньги», «Лес», «Не было гроша, да вдруг алтын» и др. Успех пьес «На всякого мудреца довольно простоты» и «Горячее сердце» вернули Островскому силы. Он преодолел растерянность и тоску.

Еще в 1867 Островский вместе с братом Михаилом выкупил у мачехи имение Щельково. Островский рассчитывал сделать из Щелькова доходное хозяйство, которое кормило бы семью. Побившись, побившись, Александр Николаевич понял, что хозяйство не выручит, и сдал его на руки Марье Васильевне.

Островский и сам не заметил, как привык ей покоряться, и это еще усугубляло душевную замкнутость, пришедшую к нему с годами. К 1877 году у них с Марьей Васильевной было уже шестеро детей. Чтобы прокормить и обиходить такую семью, Островскому приходилось принуждать себя к работе. Природа и тишь Щелькова говорили о другой, волшебной-идеальной жизни, какой когда-то жили или должны были жить люди. И он воссоздал в сказке о Снегурочке эту желанную страну берендеев. В 1870-е внешние события жизни Островского были бедны, заурядны, но огромная созидательная душевная работа тайно совершалась в нем. В том, что он делал, многое казалось пробой, исканием. Но когда на следующий день после премьеры почтальон приносил в дом свежие газеты, Островский раскрывал их с недоверием и опаской. Газеты писали:

«Как измельчал талант первого нашего драматурга!» («Дешевая библиотека», 1871);

«...Он пережил свой талант» («Новое время», 1872).

Островский старался сохранить невозмутимость, но газетная брань лишала его душевного покоя.

«В последнее время я дошел до крайней нерешительности, — признавался он в письме Некрасову 8 марта 1874, — обруганный со всех сторон за свою честную деятельность, я хочу быть прав хоть перед своей совестью; я не выпускаю нового произведения до тех пор, пока не уверюсь, что употребил на него все силы, какие у меня есть».

Островский вел строгий счет своим оригинальным произведениям. На рукописи «Бесприданницы» он пометил: «opus 40». На юбилейную пьесу драматург возлагал большие надежды. Пьеса и впрямь была необычна, но критика отнеслась к ней с обычным высокомерием. Прошли годы, а пьеса осталась жить навсегда.

Осенью 1877 Островский покинул старый дом у Николо-Воробина и перебрался на новую квартиру. Он с трудом оторвался от дома, в котором прожил тридцать долгих лет. Островскому казалось, что в новом доме и жизнь его ждет по-новому удобная, счастливая. Но все осталось, как было. Те же недомогания и утомление от непрестанной работы. То же беспокойство за семью, детей, вечная нехватка денег, новые долги.

Те, кто навещал его в последние годы в Москве, поражались его утомленному, нездоровому виду. Работа в «Отечественных записках», исследование истории русского театра, забота о молодых драматургах, хлопоты о пенсии, ожидание назначения на должность заведующего репертуарной частью московских императорских театров... Ходатаем по театральным делам, помощником в связях с сановниками для Александра Николаевича был его брат Михаил Николаевич, образованный и культурный человек, стремительно продвигавшийся по государственной службе. Во многом благодаря его усилиям в январе 1886 Островский вступил в должность заведующего репертуарной частью московских императорских театров.

Ревностно взялся за дело Александр Николаевич. У него новый проект дешевой театральной школы, проекты об артистах, о режиссерском управлении, и все это должно быть введено в действие при его участии. В его руках руководство художественной частью в московских театрах. Он стал полным хозяином репертуара и теперь может помочь начинающим талантливым писателям. Он может претворить в дело на пользу родному искусству те заветные убеждения, которыми жил.

Для него настало время, о котором он мог только мечтать, но уже в первые дни службы он с ужасом ощутил, что взятая им на себя задача ему уже не по силам. Дел было много, и, когда закончился театральный сезон, было не до отдыха. Семья уехала в Щелыково. Когда он остался один, с ним случился жестокий сердечный приступ. Но и в болезненном состоянии он продолжал работать. Приступы повторялись, не предвещая ничего хорошего. Надеждой было для него Щелыково. Лишь бы доехать до Щелыкова, а там он придет в себя и наберется сил. Больным он и поехал в деревню.

Утром 2 июня 1886 года он, как всегда, работал, просматривал перевод «Антония и Клеопатры» Шекспира, читал журнал «Русская мысль». Смерть застигла его за письменным столом, только она могла оторвать его от работы.

Островский лег в землю тихо, незаметно, в глухом лесном углу России. Хоронили его по-домашнему скромно, но сердечно, как местного помещика, как доброго человека. «Вся округа запечалилась», – вспоминал потом кто-то из крестьян.

Над открытою могилой прозвучали слова: «Закончен последний акт твоей жизненной драмы!»